

ям самого героя (например, стыд и боль, которые Геннадий Сергеевич испытывает, сидя в кабинете следователя и узнавая о прегрешениях сына). (Отметим, однако, что Кирилл в данный момент Геннадий Сергеевич называет *единственным* сыном, словно забывая, что у него от первого брака есть еще один сын.)

Таким образом, повторы складываются в лексико-семантические поля, которые взаимодействуют друг с другом – с полем «воздух/дыхание» пересекаются поля «жизнь» и «свобода». Отношения между ядром и периферией в лексико-семантическом текстовом поле «воздух/дыхание» отличны от узуальных: ядром поля становится переносное значение лексем «жизнь – дыхание», а прямое значение перемещается на периферию. Меняется и распределение коннотативной окраски нейтрального и эмоционально окрашенного слов. Положительно окрашенная оценка здорового дыхания в эпизоде *я дышал глубоко и ровно* оказывает-

ся синонимом равнодушия и холодности и получает отрицательную коннотацию, которая противопоставлена подчас полярным характеристикам основного текста, его эмоциональным взлетам, а «неровности дыхания», которые при всей их содержательной неоднозначности оцениваются тем не менее положительно, являются выражением настоящей жизни в отличие от безжизненности эпилога. Другими словами, развенчивая заблуждения своего героя, заставляя того бросаться из одной крайности в другую в поисках ответа на вопросы «кто я, что я», Ю.В. Трифонов рисует героя как живого человека, хотя, может быть, и не вполне симпатичного автору, однако имеющего право на существование. Но в эпизоде, когда герой перестает метаться, перестает задавать себе вопросы, когда его устремления сводятся к одному – *дышать глубоко и ровно*, – тогда он перестает быть живым и, вероятно, теряет право на сочувствие.

С.Н. СТАРОДУБЕЦ
Брянск

Функциональные особенности синкретичного *как* в поэзии Ф.И. Тютчева

В работе рассматривается специфика функционирования синкретичного слова *как*, совмещающего в лексико-грамматическом значении особенности местоименного наречия и союза в сложноподчиненном предложении.

Ключевые слова: *синкретичность; синкрет; контаминант; экспрессивность; сложноподчиненное предложение; наречие; союз.*

В работе А.Л. Голованевского «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» слово *как* имеет доминирующую «статистику» и зафиксировано в девяти значениях:

Стародубец Светлана Николаевна, доктор филол. наук, доцент Брянского гос. ун-та им. И. Г. Петровского. E-mail: strmos@rambler.ru

Как (430). 1. Союз. В сравнительных оборотах, сравнительных придаточных предложениях. Всего 258 употреблений. <...> 2. Союз: присоединяет придаточные образа действия, следствия, причины, уступки, изъяснительные, определительные (25 употр.). <...> 3. Союз. Выражает временные отношения, в том числе в сочетаниях между

тем как. <...> 4. Частицы, наречия вопросительные, восклицательные. <...> 5. Частицы, наречия со значением меры, степени. <...> 6. Восклицательные наречия и частицы, выражающие удивление. <...> 7. Совмещающие значения сравнительные и меры, образа действия, временные, предложения «в качестве». <...> 8. *Как не*. Сочетание наречия с отрицательной частицей для усиления утверждения, побуждения к действию, уточнения сказанного предварительного. <...> 9. В значении предлогов «вместо, в качестве» [Голованевский 2009: 284–287].

Следует отметить, что сочетание *как ни* А.Л. Голованевский рассматривает как союз:

Как ни (28). Союз *хотя и*. Выражает противодействие, противоположность и т.п., уступительные отношения [Голованевский 2009: 288].

Среди *как*-конструкций простого предложения доминирует простое предложение, осложненное сравнительным оборотом, присоединяемым союзом *как* (72%).

Наречие *как* со значением образа действия, степени в восклицательных конструкциях маркирует вторую по продуктивности группу *как*-конструкций простого предложения (23%).

По нашим наблюдениям, из общего количества таких конструкций сложного предложения, употребленных в поэзии Ф.И. Тютчева, доминируют сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным с союзным словом *как* в качестве средства связи (25% от общего количества).

Никакой другой союз или союзное слово, имеющие омонимичную пару, не вызывают такой сложности с точки зрения разграничения их синтаксических конструкций, как названное.

Если руководствоваться общепринятой и общеизвестной системой критериев разграничения союзов и союзных слов в русской грамматике при анализе ряда поэтических фрагментов (логическое ударение, грамматическая функция, синонимическая замена, изменение по падежам, пропуск или невозможность пропуска, см.: [Кулагин 1963]; [Московкина 1966]; [Колосова 1989]; [Глухих 1989] и др.), прийти

к однозначной грамматической интерпретации слова *как*, используемого в качестве средства связи, не всегда возможно.

Автор главы «Союзы и союзные слова» в «Русской грамматике» Н.И. Кручинина считает, что «союзные слова – это разряд местоименных вопросительных слов, совмещающих свойства знаменательной и служебной части речи», «употребляясь в роли союзов, вопросительно-местоименные слова полностью или частично утрачивают вопросительное значение. Степень утраты вопросительности зависит от того, как реализуется союзная функция местоименного слова» [Русская грамматика 1980 I: 721].

В современной грамматике местоименно-союзная синкретичность *как* в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным является предметом разногласий при анализе или описании языковых фрагментов, например: *Смотри, как хижинки с их зеленью кругом / Осыпало вечернее сиянье* («Из “Фауста” Гете»). Иллюстрация приведена в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского в контексте анализа второго из значений союза [Голованевский 2009: 285].

С этой точки зрения интересной представляется позиция И.А. Филипповской, которая исходит из близости изъяснительного *как* к изъяснительному *что* и местоименному наречию *как*: союз *как*, в отличие от *что*, привлекает внимание «в большей мере к самому действию, о котором говорится в придаточном предложении, нежели к производителю действия. <...> Союз *как* вносит в придаточную часть добавочный (по сравнению с союзом *что*) смысловой оттенок» [Филипповская 1979: 54], т.е. о каком-то явлении не только сообщается, но и уточняется, каким образом оно происходит.

За основной критерий разграничения союза и союзного слова *как* мы примем следующий: «Если семантика сказуемого в придаточном не предполагает или даже не допускает указания на характер протекания действия» [Филипповская 1979: 53], то средство связи необходимо рассматривать как союз, в противном слу-

чае – как союзное слово. Используемый в этих целях прием замены словом *что* союза *как* [Московкина 1966: 47] не представляется эффективным.

Итак, в конструкциях:

Глядел я стоя, над Невой, / Как Иссака-великана / Во мгле морозного тумана / Светился купол золотой. («Глядел я, стоя над Невой...»); Я очи знал – о, эти очи! / Как я любил их – знает Бог! / От их волшебной, страстной ночи / Я душу оторвать не мог. («Я очи знал...»); Я вспомнил, грустно-молчалив, / Как в тех странах, где солнце греет, / Теперь на солнце пламенеет / Роскошный Генуи залив. («Глядел я, стоя над Невой...»)

как – наречие образа действия, выполняющее синтаксическую функцию средства связи, так как семантика сказуемых придаточной части указывает на степень проявления признака: «*как*... светился купол», «*как* я любил», «*как* пламенеет».

Такая семантика предикатов требует их распространения обстоятельством образа действия, в роли которого и выступает местоименное наречие *как*.

В приведенных конструкциях слово *как* можно также заменить сочетанием *каким образом*.

В наибольшей степени подобное акцентирование значения образа действия в *как* касается конструкций, неоднократно используемых в поэтических произведениях Ф.И. Тютчева, типа *Смотри, как...*, опорным словом главной части которых является лексема *смотри* (*-те*) – форма повелительного наклонения глагола.

Конструкции с формой 2-го лица глагола повелительного наклонения особенно экспрессивны у Ф.И. Тютчева [Григорьева 1980: 32; Николина 2013: 13–21].

Такие сложноподчиненные предложения достаточно экспрессивны прежде всего за счет соотношения главной и придаточной частей, а средоточием («фокусом») коннотации всего предложения становится несоюзное *как*; ср. в стихотворении «Фонтан»:

Смотри, как облаком живым / Фонтан, сияющий клубится, / Как пламенеет, / Как дробится его на солнце влажный дым.

Подобным же образом начинаются и другие стихотворения: «Смотри, как на

речном просторе...», «Смотри, как днем туманисто-бело / Чуть брезжит в небе месяц светозарный...», «Смотри, как запад разгорелся / Вечерним заревом лучей...».

Представляется, что Тютчеву важно обратить внимание на «органику» процесса, с этой целью и осуществляется актуализация зрительного восприятия через императив *смотри*.

Экспрессивность *как* может быть и не маркирована словом *смотри*:

Хоть я и свил гнездо в долине, / Но чувствую порой и я, / Как животворно на вершине / Бежит воздушная струя, – / Как рвется из густого слоя, / Как жаждет горных наша грудь, / Как все удушливо-земное / Она хотела б оттолкнуть! («Хоть я и свил гнездо в долине...»).

В этом стихотворении смысловой акцент слова *как* особенно актуализирован, что подчеркивается его четырехкратным анафорическим повторением и подтверждается постановкой восклицательного знака в конце строфы (возможна трансформация придаточных в простое восклицательное предложение с наречием *как*).

В таких поэтических фрагментах слово *как*, с одной стороны, функционирует как местоименное наречие, а с другой – приобретает способность выражать служебную функцию – использоваться в качестве средства присоединения придаточной части. Совмещение дифференциальных признаков двух частей речи позволяет назвать слово *как* в несоюзном употреблении местоименно-союзным контаминантом [Иванюк 1989: 13] (данный термин используется нами не как синоним термина «союзное слово», а как синоним термина «синкрет»).

В контексте:

Я очи знал – о, эти очи! / Как я любил их – знает Бог! / От их волшебной, страстной ночи / Я душу оторвать не мог. («Я очи знал...»)

придаточное изъяснительное употреблено в препозиции по отношению к главной части (актуализация ремы). В таком рематическом положении, на наш взгляд, синкретичный статус *как* подчеркивается восклицательной эмоциональной характеристикой предложения в целом.

Союзное изъяснительное *как* нехарактерно для поэзии Ф.И. Тютчева, хотя и возможно в единичных случаях: *Я зрел, увы! как сына твоего / Влекли, в крови, им вскормленные кони!* («Из “Федры” Расина»). И даже изъяснительный союз *как*, по нашему представлению, сохраняет оттенок обстоятельственного значения.

Второй группой сложноподчиненных *как*-конструкций являются *как-ни-конструкции* с придаточным уступки (20%):

Когда на то нет божьего согласия, / Как ни страдай она любя, – / Душа, увы, не выстрадает счастья, / Но может выстрадать себя... («Когда на то нет божьего согласия...»); Как ни гнетет рука судьбины, / Как ни томит людей обман, / Как ни браздят чело морщины / И сердце как ни полно ран; / Каким бы строгим испытаньям / Вы ни были подчинены, – / Что устоит перед дыханьем / И первой встречею весны! («Весна»).

Подчеркнем, что *как ни* есть сочетание местоименного наречия с усилительной частицей *ни* (см. об этом: [Осипова Л.Е. 1979; Словарь структурных слов русского языка 1997: 161]. Синонимическая замена союзом *хотя* не дает оснований считать данное сочетание уступительным союзом. При этом *как* в относительных конструкциях с частицей *ни* имеет два значения: *как*₁ – образа и способа действия (*Как перед ней ни гните, господа, / Вам не снискать признанья от Европы: / В ее глазах вы будете всегда / Не слуги просвещения, а холопы.* «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...») = «как, каким образом ни изгибайтесь, как, каким образом ни подстраивайтесь»); *как*₂ – степени интенсивности признака [Осипова 1979: 80] (*Нет, карлик мой! трус беспримерный! / Ты, как ни жмись, как ни трусь, / Своей душою маловой / Не соблазнишь святую Русь.* «Нет, карлик мой...») = градационное значение степени «сколько ни лукавь, насколько ни изворачивайся»). В поэзии Ф.И. Тютчева доминируют *как-ни*-конструкции второго типа.

Если *как ни* находится в начале стихотворения и если наречие *как* и частица *ни* расположены контактно, а не дистантно, следует говорить о том, что логически выделяется именно сочетание *как-ни*:

Как ни бесилося злоречье; Как ни гнетет рука судьбины; Как ни дышит полдень знойный; Как ни тяжел последний час.

Как-ни, с которого начинается стихотворение, может быть и основной композиции периода (в приведенном выше стихотворении «Весна»).

Значения образа действия и степени интенсивности признака, реализуемые *как*, являются первичными для наречия, выступающего в том числе в качестве средства связи. Именно под влиянием грамматической специфики наречия сочетание *как ни* эксплицирует в поэтическом тексте свою экспрессивность, а в наиболее ярких фрагментах – максимальную афористичность:

В разлуке есть высокое значенье: Как ни люби, хоть день один, хоть век, / Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье, / И рано ль, поздно ль пробужденье, / А должен наконец проснуться человек... («В разлуке есть высокое значенье...»).

Третьим по продуктивности типом сложноподчиненного предложения в группе *как*-конструкций являются сложноподчиненные предложения местоименного типа со сравнительным значением, средством связи в которых являются либо союзы, либо союзные слова, в зависимости от научной интерпретации в контексте грамматической классификации: местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение, союзное слово *как* (по классификации В.А. Белошапковой), или местоименно-союзное сложноподчиненное предложение, союз *как* (по классификации В.В. Бабайцевой) (19% от общего количества *как*-конструкций сложного предложения).

Эти предложения реализуют стандартные модели [так], (как) или (как), [так]. В качестве средства связи употребляется синкретичное *как*. Считаем, что и в этом случае *как* совмещает в себе первичные свойства наречия образа действия и вторичное грамматическое значение сравнения.

В контекстах:

Как уходят клубы дыма, / Так уходят наши дни! («Поминки»); Как над горячею золой /

Дымится свиток и сгорает / И огонь, сокрытый и глухой, / Слова и строки пожирает, / Так грустно тлится жизнь моя / И с каждым днем уходит дымом; / Так постепенно гасну я / В однообразье нестерпимом! («Как над горячею золой...»); И как с годами крепнет, пламенея, / Сок благородный виноградных лоз – / И в кубок ваш все жарче и светлее / Так вдохновение лилось. («На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского») –

сравнительное значение придаточного осложняется значением образа действия, которое моделируется лексико-грамматическими свойствами предикатов (грамматическим значением несовершенного вида, настоящего постоянного времени).

Образность действия может поддерживаться также и фоникой текста. К примеру, во втором из цитируемых фрагментов с *как* доминирует глухой [т]: в придаточной – 7, в главной части – 8. Заданная таким образом протяженная процессуальность «тления» передается звукописью. Кроме того, контекстуальное «погружение» смыслового поля придаточного в образ действия возможно за счет широкой реализации валентностных свойств предикатов и их распространителей, что особенно ярко реализуется в третьем из приведенных фрагментов (*крепнет – с годами, пламенея, лилось – все жарче и светлее*). Влияние распространителей на «маркирование» значения образа действия весьма продуктивно.

Углубленный грамматико-стилистический анализ других сложноподчиненных предложений с синтаксическим значением сравнения позволяет утверждать, что *как* сохраняет синкретичность значения в отдельных конструкциях без коррелята *так*:

Слезы людские, о слезы людские, / Льетесь вы ранней и поздней порой... / Льетесь безвестные, льетесь незримые, / Неистощимые, неисчислимы, – / Льетесь, как льются струи дождевые / В осень глухую, порою ночной. («Слезы людские, о слезы людские...»).

Многочастный повтор предиката *льетесь* в главной и придаточной частях акцентирует значение длительной, градиционной незавершенности действия, при этом употребление *как* при предикате

льются, имеющем широкий спектр распространителей первого и второго уровня подчинения, эксплицирует вторичное значение образа данного действия, реализуя в итоге совмещенное значение союза и наречия. Соответственно такое лексико-грамматическое своеобразие *как* предполагает имплицирование коррелята *так* в первой части сложноподчиненного предложения. Следует иметь в виду, что значение образа действия, вторичное для союза *как* в сравнительной конструкции, может быть эксплицировано и посредством других распространителей, например дополнительных предикативных единиц в составе многочлена:

За нашим веком мы идем, / Как шла Креуза за Энеем: / Пройдем немного – ослабею, Убавим шаг – отстаю. («За нашим веком мы идем...»).

Такие сложноподчиненные предложения с имплицированным коррелятом можно квалифицировать как сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа с синкретичным средством связи, совмещающим в себе грамматическое значение наречия и союза.

Нельзя не отметить, что названные конструкции в поэзии Ф.И. Тютчева, являясь основой психологического параллелизма ([Григорьева 1980: 32; Некрасова 1983: 15]), реализуют композиционно-стилистическую функцию.

Подведем итоги. Синкретичное слово *как* в поэзии Тютчева максимально экспрессивно, в том числе и потому, что экспрессивно само конкретное высказывание, в котором функционирует *как*. В зависимости от того или иного типа отношений предикативных единиц *как* оформляет определенный тип конструкции.

Приведенные аргументы позволяют фиксировать синкретичность *как*, т.е. совмещенное грамматическое значение наречия и союза.

Следовательно, термин «местоименно-союзный контаминант» (= синкрет) наиболее полно отражает специфику слова *как* в несоюзном употреблении в качестве средства связи сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными, уступительными и сравнительными

вообще и применительно к анализу поэтических текстов Тютчева в частности.

Считаем, что в поэтическом тексте Ф.И. Тютчева значение «местоименно-союзного» синкрета («контаминанта») как эксплицируется посредством: значения образа действия и степени наречия *как*; актуализации зрительного восприятия через императив *смотри* в главной части; распространителей предиката придаточной части; отдельных контекстуальных и композиционных особенностей (звукописи текста, восклицательной интонации предложения, анафорического и психологического параллелизма).

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. – 1983. – № 5.

Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. – Брянск, 2009.

Глухих В.М. О разграничении подчинительных союзов и союзных слов // РЯШ. – 1989. – № 2.

Григорьева А.Д. Слово в поэзии Ф.И. Тютчева. – М., 1980.

Иванюк Л. Местоименно-союзные контаминанты в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989.

Колосова Т.А. Разграничение омонимичных союзов и союзных слов // РЯШ. – 1989. – № 2.

Кулагин А.Ф. Синтаксические функции союзных слов и их отличие от союзов // РЯШ. – 1963. – № 6.

Осипова Л.Е. О значении относительных конструкций, оформленных сочетанием *как ни* // Сложное предложение в тексте. – Калинин, 1979.

Осипова Л.Е. Относительные конструкции с частицей *ни* в текстовом аспекте // Там же. – Калинин, 1988.

Русская грамматика. – М., 1980. – Т. I.

Стародубец С.Н. Бесконечное и многогранное «как» в поэзии Ф.И. Тютчева // Проблемы авторской и общей лексикографии: материалы международной научной конференции под ред. проф. А.Л. Голованевского, доц. Л.Л. Шестаковой. – Брянск, 2007.

Стародубец С.Н. Слово «как» – одна из доминант идиостиля Ф.И. Тютчева // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: материалы V Международной научно-методической конференции. Брест, 24–25 ноября 2011 года. – Брест, 2012.

Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – М., 1988.

Филипповская И.А. Изъяснительный союз *как* // Русский язык: Теория и методика преподавания. – Душанбе, 1979.

(Окончание текста со с. 31.)

Примечание. Транскрипция, приведенная для справки, необходима для того, чтобы показать, что мягкость [j] в этой системе не обозначается, буква *ц* соответствует звуку [ш':], а ударный гласный в слове *теперь* обозначается знаком [e].

Как видно из решения, в данном случае ключом к верному ответу является

понимание слогового принципа русской графики – способа обозначения твердости/мягкости согласных, а также знание того факта, что основной принцип графики может в современном русском языке в ряде случаев нарушаться (как, например, в слове *что*).

(Продолжение см. в следующем номере.)